

Александр
МИНКИН

Изменники
Родины

Юрий Любимов (1917 года рождения, лишен гражданства в 1984-м) поставил спектакль по роману Александра Солженицына (1918 года рождения, лишен гражданства в 1974-м).

Два восьмидесятилетних старика. Что нового они могут нам сказать? Нары, зеки, генералы госбезопасности, Иосиф Виссарионович... В Театре на Таганке роман «В круге первом» идет под названием «Шарашка». Опять про Сталина, про лагеря — ну как не надоест?

(Окончание. Начало на стр. 1)

Дважды подряд смотрел «Шарашку» — дело там происходит полвека назад — и оба раза возникло неприятное чувство, что живем мы на тонкой пленке и в любой миг она может прорваться и все мы, вся страна провалится опять туда — в лагерь, в ГУЛАГ, в ужас той жизни, когда никто не знает, что с ним будет завтра, и будет ли он завтра, и в какой детский дом (не к садистам ли) сдуют детей...

Не может быть? А почему? Разве граждане России в начале века были глупее нас, сегодняшних? Разве немцы 1920-х — 1930-х были дураки? Разве трехтысячелетняя культура помешала китайцам провалиться в безумие маоизма?

И всюду к власти приходил человек некультурный. Семинист-недоучка, сфрейтор, унтер... А внешне все цвело. Возводились дворцы, снималось кино «Веселые ребята», дети с букетами бежали к Сталину, к Гитлеру, к Мао, и Сталин, Гитлер, Мао целовали этих счастливых детей, а гости-иностранцы восхищались сытой, безмятежной жизнью народов, уверенных в своем светлом будущем под мудрым руководством...

И все это — советский рай, немецкий рай, китайский — можно было видеть. Но под тонкой пленкой был ад. В круге первом — элита. Ее кормят и почти не бьют, чтобы она поскорее сделала атомную бомбу, секретную телефонную...

Лучшие умы России делают на шарашке для Сталина секретный телефон и изобретают способ точного опознания людей по голосу (чтобы поймать очередного врага народа).

На поверхности примитивное: сбилось. Изобретены телефоны-шифраторы, превращающие речь в бессмысленный квакающий набор звуков. Изобретен прибор, снимающий отпечатки голоса, оставленные в телефоне, как отпечатки пальцев, оставленные на телефонной трубке.

Как далеко вперед шагнуло общество! Секретное подслушивание, доступное только Сталину, теперь доступно всем. Распечатки телефонных разговоров давно публикуются в центральных газетах («Известия», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Московская правда...»), а магнитофонные записи прокручиваются по главным телеканалам. Маленькая разница: в «круге первом» записали мятущегося интеллигента, который позвонил в иностранное посольство, чтобы предотвратить беду — спасти профессора, «который лечил маму»; а теперь на пленках — то генеральный прокурор инструктирует сбывшего за границу афериста, то вице-премьер требует сто тысяч долларов наличными...

Но ради такой чепухи, ради такого примитивного кукиша Любимов затевать постановку не стал бы.

Не знаю, считает ли он театр храмом. Но что Любимов считает театр кафедрой и зеркалом, в котором общество должно увидеть собственное лицо, — сомнений нет.

Значит, он хочет показать нам 1998-й, а не 1949-й. И как же странно начинает он нас показывать нам. Любимов играет Сталина без грима, однако копируя незабываемые интонации. Звучит нэтарпливый монолог:

— Он из доверья своей матери. И Богу. И революционерам. И мужикам. И рабочим. И тем более из доверья инженерам. Из доверья солдатам и генералам. Из доверья своим приближенным. Из доверья жедам и любовникам. И детям своим из доверья. И прав оказывался всегда. И доверился он одному только человеку — единственному за всю свою беззастенчиво-недоверчивую жизнь. Это из был болтун, это был человек дела. Человек этот был Адольф Гитлер.

Ни в романе, ни в спектакле Гитлера нет. Но спектакль начинается именно с этих слов, и их ощущаешь как очень важные. Как нечто такое, что для собственного блага лучше понять поскорее и поточнее.

Земли шарашки — техническая элита, «последний ручеек духовности». Последний — ибо офицерство, духовенство, дворянство, крестьянство уничтожены. Философы, историки, писатели... А оставшиеся в живых — что они чувствовали? Сталинский «Краткий курс» (истории ВКП(б) стал единственной истиной. (Это все равно что сегодня заставить весь народ в школах и институтах изу-

Цивилизованному, благодарному народу в голову не придет поставить над собой унтера.

Единственная в мире страна, в полном составе севшая к телевизорам лечиться пассажи Кашпировского. Глядя на это безумие, любой человек понимал: они хотят, чтобы их обманывали. И вскоре им стали точно так же — руками то телевизору — показывать зарплату и инвестиции. И еще показывали презентации, где люди купались в шампанском и, набив рот икрой, приговаривали: «Мы зара-

Кажется, вся поверхность покрыта лагерями. Но всегда находилось место, чтобы снять «Кубанских казаков»

ИЗМЕННИКИ РОДИНЫ

11 декабря. На сцене Таганки через пять минут после отказа от ордена. Какой-то митрополит произносит казенные поздравления. Солженицын «отсутствует», Любимов лбом уперся в нары.

чать историю России по книжке Коржакова, где судьба России, по мнению автора, зависит от того, при каких обстоятельствах вырвало Бурбулиса.) И вот эта техническая элита сознательно делает аппарат, чтобы поймать честного человека. И уничтожить его. Но даже если б они не знали конкретной задачи, то безошибочно знали, что заказчик их — сатана. И выполняли. А некоторые и в зоне продолжали верить в товарища Сталина, продолжали гордо твердить: «Я и сейчас коммунист».

«Я и сейчас демократка!» — говорит учительница, год не получившая зарплату. Она продолжает верить в Гайдара.

Говоришь: откройте глаза, поглядите на результат! А они: «Да, но надо учесть условия...» Конечно. Сталину мешали пережитки проклятого прошлого (царизма). Гайдару мешали пережитки проклятого прошлого (коммунизма). Всегда находился гад, который все портил: Троцкий, Рупчик... Сталин выселял чеченцев, Ельцин бомбил их...

И ни разу Россию не возглавил культурный человек. Лебедь правильно говорит: «Вот начнется смута — и меня востребуют». Мне не нравится, что он мечтает о гражданской войне, которая делает его президентом, но рассуждает он правильно.

ботали денег для себя, мы зарабатываем их и для вас».

Всюду торчали зеркала, но глядеть в них никто не хотел. И узнавать себя не хотели. И когда очередной мелкий бес предложил опять поделить все поровну — на 150 миллионов ваучеров, никто не узнал знакомые слова: фабрики — рабочим, хлеб — голодным...

Ассоциации во время спектакля возникают помимо воли. Желдин играет Поскребышева почти без слов, крадет, улыбается, тает перед Хозяином, а в романе так: «Его не то что за глаза, его и про себя-то почти не осмеливались звать Сашкой, а только Александром Николаевичем. «Звонил Поскребышев» значило: звонил Сам. Поскребышев держался начальником личного секретариата Сталина уже больше 15 лет. А секрет был прост: он был по душе денщик и именно тем укреплялся в должности. Даже когда его дела и генерал-лейтенантом, членом ЦК и начальником спецотдела по слежке за членами ЦК — он перед Хозяином ничуть не считал себя выше ничтожества. Тщеславно хихикая, он кокался с ним в тосте за свою родную деревню Сопляки. Но оборачиваясь к младшему, этот плешивый царедворец простоватого вида приобретал огромную значительность».

Каким же глухим надо быть к собственной истории, чтобы опять плешивого, опять денщика, опять Сашку — опять делать генерал-лейтенантом. И опять поручать ему слежку за ближайшими своими соратниками — вплоть до дочери.

Не знающие своей истории, косноязычные невежды, они обрекают нас опять и опять на дикость и глупость, неизбежно возвышая недручек и шарлатанов, которые всегда обещают «через полгода, максимум через год...».

Так возвысился Лысенко, обещая Сталину (а потом и Хрущеву) немислимые урожаи, и довел СССР до закупки зерна. Так возвысился Гайдар, обещая стабилизацию рубля и рост производства.

«В чем же дело? В чем же дело?» — бормочешь, глядя, как на сцене раздевают догола и затем обыскивают, голое существо, которое час назад было высокопоставленным советским дипломатом. Существо приказывают: повернитесь спиной, расставьте ноги, наклонитесь, раздвиньте руки и ягодицы... И оно выполняет, не сопротивляясь.

Это очень неприятно — сидеть в темном зале и не знать ответа на вопрос: случись что — окажешь ли хоть какое-нибудь

сопротивление? Это ведь на миру смерть красна. А в лапах надзирателей, может, и не красна вовсе.

В чем же дело? В чем же дело? Почему, вместо того чтобы отмывать грехи, стали отмывать деньги?

Десять лет назад Любимов, вернувшись из эмиграции, ставил на Таганке «Маленькие трагедии» Пушкина. И так случилось, что дали мне снимать документальный фильм. Казалось, что-то важное само откроется в монтаже репетиций, актерских монологов и бесконечных баск о Сталине, которые рассказывал (показывал) Любимов, объясняя артистам, как играть персонажей Пушкина. А потом, сидя один в пустом зале, он печально говорил о впечатлении, которое произвела на него родина: «Все хотят вырвать что-то. Схватить, урвать и убежать. А главное — не работать. Это ужасно».

Объясняя актрисе, что чувствует донна Анна, которая не может молиться, Любимов процитировал Гамлета: «Покайтесь в содеянном и воздержитесь впредь», задумался, забыл о сцене... И вдруг сказал: «Это каждый житель наш должен себе сказать. Тогда, может, чего-нибудь и выйдет. А иначе ничего не выйдет». В 1989-м, когда весь мир восхищался перестройкой, питал надежды и любил нас без памяти, это казалось стариковским ворчанием.

Все сбилось. Люди озлоблены, страна в нищете и развале. А самого Мастера уплотнили, забрали две трети театра. Теперь там, за стенкой, хозяйничает бывший ученик. Мог бы играть у Любимова, а играет у Зюганова. Какой проигрыш собственной жизни! Был артистом, стал членом ЦК.

Придя домой после «Шарашки», я зачем-то полез в словарь. Ведь в энциклопедиях есть ответы на все вопросы. Оказалось, что во всех дореволюционных энциклопедиях есть статья «Нравственное помешательство», а во всех советских ничего такого нет, зато есть «Моральный кодекс». Впечатление такое, что революция разом выличила всю страну от нравственного помешательства и термин исчез как ненужный, ничего не означающий. Впрочем, судите сами.

«НАВРСТВЕННОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО — психическая болезнь, при которой моральные представления теряют свою силу и перестают быть мотивом поведения. При нравственном помешательстве (нравственная слепота, нравственный дальтонизм) человек становится без-

различным к добру и злу, не утратившим, однако, способности теоретич. формального межличностного различия. В обособленном виде нравственное помешательство развивается на почве наследственного психического вырождения и неизлечимо». (Энциклопедический словарь Павленкова, 1905.)

И это считалось болезнью? Да еще с печальным уточнением «неизлечимо».

«МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС строителя коммунизма: преданность делу коммунизма, любовь к социалистич. Родине, к странам социализма; добросовестный труд на благо общества; забота каждого о сохранении и умножении обществ. достояния; высокое сознание обществ. долга, нетерпимость к нарушениям обществ. интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми; честность и правдивость, нравств. чистота, простота и скромность в обществ. и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к нац. и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами». (Советский энциклопедический словарь. 1981.)

Читаешь это нагромождение — и нет сомнений: сочиняли именно те, неизлечимые, «не утратившие, однако, способности теоретического...».

Нельзя сказать, чтобы наша интеллигенция была в восторге от нынешней власти. Однако все, кого в последние годы награждали орденами, приятно улыбаются и шаркают ножкой. И власть уже привыкла, что где-то там на кухне, может, и поругивают, но, представ пред светлые очи, кланяются и благодарят. И это очень удобно.

Солженицын скандала не хотел. Он сделал все, чтобы не было даже шума. Но власть была уверена, что настырность сильнее. Мол, поставим перед фактом — куда он денется. Да и кто ж откажется от Андрея Первозванного, от высшего ордена? Не на того напали. Выйдя на сцену Таганки, поблагодарив театр за спектакль. Солженицын сказал:

— Недавно я заранее письменно предупредил администрацию президента. — Солженицын достал из кармана копию собственного письма и прочел: — «До меня довели сведения, что президентский совет по культуре рекомендовал наградить меня орденом к моему 80-летию. Если эти сведения верны, хочу удержаться от этого шага: от верховной власти, доведшей Россию до нынешнего гибельного состояния, я награду принять не могу, не та обстановка в стране». — Он убрал письмо и добавил: — Я это написал, и я надеялся, что убедил. Нет, произошло иначе. Сегодня президент подписал указ о награждении меня орденом и прислал разъяснительное сопроводительное письмо. А я при нынешних обстоятельствах, когда люди голодают за зарплату и бастуют за это, я ордена принимать не могу. Может быть, может быть, через некоторое, немалое время, когда Россия выберется из своих бед, сыновья мои примут эту награду за меня.

Эта новость мелькнула и исчезла. Ее заслонило возвращение Михаса.

● Александр МИНКИН

● P.S. С конца 1980-х Таганке предрекали неминуемую смерть. Мол, политический театр нам теперь не нужен, у нас свобода. Не понимали, что театр Любимова воюет не с советской властью, а с властью.